

ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНЫЙ ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК - ХИМЕРА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

А.И. Изотов

УДК 81'32; 811.162.3

Филологические науки

*В статье рассматривается динамика языковой ситуации в Чешской республике в XX веке, а также особенности её характеристики основателями Пражского лингвистического кружка, а также их последователями как в рамках «теории языковой культуры», предполагающей активную кодификаторскую деятельность, так и в рамках альтернативной «концепции минимальной интервенции». Обсуждаются используемые в современной богемистике термины *spisovná čeština* (literary Czech), *obecná čeština* (common Czech), *hovorová čeština* (colloquial Czech), *standardní čeština* (standard Czech), *psaná čeština* (written Czech), *mluvená čeština* (spoken Czech).*

Ключевые слова: богемистика, чешский язык, литературный чешский, стандартный чешский, разговорный чешский; обиходно-разговорный чешский, устный чешский, письменный чешский, диглоссия, корпусная лингвистика, языковая ситуация, смена научной парадигмы, теория языковой культуры, концепция минимальной интервенции

Изотов Андрей Иванович, доктор филологических наук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

a.i.izotov@mail.ru

ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНЫЙ ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК - ХИМЕРА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Смена научной парадигмы и связанный с этим пересмотр фундаментальных исходных положений прежней теории приводит к необходимости переоценки существующих фактов и наблюдений. При этом, поскольку в новой парадигме базовые постулаты, предположения о реальности

и определения элементарных понятий нередко обретают новое наполнение, конфликты между «старыми» и «новыми» их истолкователями практически неизбежны [31].

Весьма показательным в этом плане оказалась ситуация с интерпретацией феномена так называемой чешской диглоссии и связанным с ней базовыми для богемистики понятиями «литературного чешского языка» (чешск. spisovná čeština, англ. literary Czech), «обиходно-разговорного чешского языка» (чешск. obecná čeština, англ. common Czech), «разговорного чешского языка» (чешск. hovorová čeština, англ. colloquial Czech), становящимися предметом эмоциональных дискуссий как во времена глобального перехода от системно-структурного принципа в лингвистическом описании к принципу функциональному полвека назад, так и сейчас – в эпоху корпусной революции [13].

Полвека назад П. Сгалл, инициировавший дискуссию о статусе и перспективах развития «обиходно-разговорного чешского языка» [14], получил суровую отповедь от одного из основателей пражского лингвистического кружка академика Б. Гавранека и его не менее именитых коллег, см. [1], сегодня же, уже сам став признанным авторитетом, он вновь завязал на страницах ведущего чешского лингвистического журнала Slovo a Slovesnost на ту же тему не менее эмоциональную дискуссию, в которой на обеих сторонах участвовали богемисты мирового уровня, ср. [22], [23], [30], [32], [16].

Несколько огрубляя положение вещей, можно констатировать, что в результате ряда исторических событий (подробнее см. [8]) на большей части современной Чешской республики (западные две трети её территории) сложилась ситуация, близкая к ситуации классической диглоссии в понимании [26], когда в качестве «высокого идиома» выступает «литературный чешский язык» (spisovná čeština), а в качестве «низкого идиома» – «обиходно-разговорный чешский язык» (obecná čeština), см. [15]. На оставшейся восточной трети территории Чешской республики в аналогичные диглосные отношения с литературным чешским языком может вступать местный диалект или

интердиалект. Отметим, впрочем, в последние годы как чешские [24], и ведущие зарубежные богемисты [19] всё чаще говорят не о диглоссной, а о постдиглоссной ситуации, так как в связи с общей демократизацией дискурса нелитературные элементы чаще проникают в те сферы общения, которые еще недавно были для них недоступны.

В 30-е годы XX века богемистами Пражского лингвистического кружка была сформулирована «теория языковой культуры», в соответствии с которой «литературный чешский язык» (*spisovná čeština*) является высшей формой существования языка чешского нации и осваивается в процессе получения формального образования. Большинство же «обычных», то есть не получивших такого формального образования чешских обитателей исторического королевства Богемия говорят на «обиходно-разговорном [букв. ‘обычном’] чешском языке» (*obecná čeština*), сформировавшемся на базе собственно-чешских диалектов, см. [27]. Помимо «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского» «теория языковой культуры» оперирует понятием «разговорный чешский» (*hovorová čeština*), который предназначен для использования в неофициальных сферах общения теми, кто привык активно употреблять «литературный чешский», см. [17]. Отметим, что в советской традиции термин *hovorová čeština* переводится на русский язык как «разговорный стиль чешского литературного языка». Этот «разговорный чешский» (*hovorová čeština*), будучи свободным как он чересчур книжных, так и от просторечных элементов, был призван, по замыслу его пропагандистов, выступать в роли своего рода фильтра, через который элементы «обычного чешского» должны проникать в «литературный чешский», пополняя и обогащая его, см. [18]. Схема *spisovná čeština – hovorová čeština – obecná čeština* продолжает использоваться до сих пор, хотя и вызывает всё больше возражений.

Самым уязвимым звеном данной схемы оказалась *hovorová čeština*. Как убедительно показали П. Сталл и Й. Гронек, в ситуации непринужденного общения даже весьма образованные чехи обращаются отнюдь не к некоему

искусственно созданному для нужд интеллектуалов «разговорному чешскому», а к самому обыкновенному «обиходно-разговорному чешскому языку», см. [33]. Необходимо отметить и то, что внутренняя форма термина *hovorová čeština* провоцирует отождествление обозначаемого им понятия с устной речью, так что лингвистам время от времени приходится подчеркивать, что высказывание может быть устным, но не быть при этом «разговорным», и может быть «разговорным», будучи письменным, см. [28, с. 53]. Нечеткость и непоследовательность в употреблении термина *hovorová čeština*, связанная с неопределенностью обозначаемого им денотата, привели к тому, что один из наиболее авторитетных современных богемистов Фр. Данеш в посвященном состоянию чешского языка на рубеже тысячелетий сборнике назвал «разговорный чешский язык» (*hovorová čeština*) «химерой», см. [25].

Термин *obecná čeština*, конечно же, гораздо более устойчив, чем термин *hovorová čeština*, в чем легко убедиться, задав соответствующий поиск в чешском интернете, однако и он подвергается критике.

Начнём с того, что в эпоху всеобщей грамотности «обычных», то есть не получивших формальное образование людей не осталось, однако «обиходно-разговорный чешский язык» отнюдь не слился ни с «разговорным чешским», ни с «литературным чешским» в единое целое и, судя по всему, не собирается это делать в ближайшее время. Отметим, что в отличие от русского просторечья, с которым «обиходно-разговорный чешский» иногда соотносится [2] или которому противопоставляется [11], использование в разговоре элементов «обиходно-разговорного чешского» свидетельствует не о «низком культурном и цивилизационном уровне», но о неформальной обстановке беседы [34, с. 59].

В результате во внутренней форме уже успевшего устояться термина активизировалось другое значение слова *obecný*, а именно значение ‘общий, совместный’ (отметим, что сходным спектром значений обладает и английское прилагательное *common*, употребляемое в английском варианте данного

термина – obecná čeština/Common Czech, ср. obecný lid/common people, obecný majetek/common property).

Но является ли *obecná čeština* «общим языком» для всех чехов? Для немалого числа чешских граждан ответ будет отрицательным. В центральной Моравии свой «общий язык» - *obecná hanáština* («обиходно-разговорный [букв ‘обычный’] обычный ганацкий»), он же *obecná středomoravština* – «обиходно-разговорный [букв ‘обычный’] центральноморавский»), на востоке и севере Моравии, а также в чешской Силезии позиции, которые могла бы занять *obecná čeština*, прочно заняты местными диалектами. В чешскоязычной Википедии на территории Чешской республики постулируется также наличие таких «общих языков», как *obecná moravská slovenština* («обиходно-разговорный [букв ‘обычный’] моравско-словацкий») и *obecná laština* («обиходно-разговорный [букв ‘обычный’] ляхский»), см. <http://cs.wikipedia.org/wiki/Čeština>.

Это одна из причин, по которой «обиходно-разговорный чешский» нельзя просто кодифицировать, к чему призывают энтузиасты так называемой «концепции минимальной интервенции». Ведь такой «литературный чешский язык», возникший в результате механического переименования «обиходно-разговорного чешского», перестанет объединять всех представителей чешской нации, будучи чуждым для многих чешских жителей Моравии и Силезии.

Вторая не менее серьезная причина состоит в недостаточной определенности самого содержания термина *obecná čeština*. Для многих *obecná čeština* – это то, что противопоставлено «литературному чешскому», то есть своего рода набор собственно-чешских интердиалектных элементов, не совпадающих с соответствующими элементами литературного языка, причем речь идет об элементах разной степени употребительности, см. [5, с. 66-67]. Мы можем встретиться и с мнением, что помимо «обиходно-разговорного чешского языка», сформированного на базе собственно-чешских диалектов, можно говорить и о другом «обиходно-разговорном чешском» – своего рода койне, вышедшего как за географические, так и за социальные рамки собственно-чешского интердиалекта, см. [24]. Тем самым мы приближаемся к ситуации в

германистике, где выделение нескольких вариантов «обиходно-разговорного немецкого языка» – привычное дело [12]. Подобные неоднозначные истолкования «обиходно-разговорного чешского» приводят к тому, что уже и о нем также говорят, как о химере [35].

Свою роль в происходящем сыграла и произошедшая в последнее десятилетие так называемая «корпусная революция» [4]. Создание крупных (миллиарды словоупотреблений) электронных корпусов и связанное с этим беспрецедентное расширение эмпирической базы исследований привело к необходимости пересмотра многих традиционных взглядов на то или иное языковое явление, которые ранее базировались во многом на интуиции исследователя (речь идет прежде всего о недостаточно документированных явлениях языковой периферии). Но дело не только в возможности надежно установить особенности функционирования малоупотребительных и маргинальных явлений, ср., например, [7], [9]. Обращение к корпусу позволяет придать двумерному грамматическому описанию объем за счет введения третьего измерения - статистической характеристики описываемого [3]. Однако поскольку исследователи обращаются к тем корпусам, которые имеются в наличии, - то есть к корпусам письменных и устных чешских текстов (а отнюдь не к несуществующим корпусам «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского»), то и на выходе получают описания «письменного чешского» (*чеш.* psaná čeština, *англ.* written Czech) или «устного чешского» (*чеш.* mluvená čeština, *англ.* spoken Czech), ср. [24]. Следует отметить и то, что термин spisovná čeština, обязанный своему возникновению господствовавшей некогда франкофонной ориентации чешской лингвистической терминологии, всё чаще заменяется, как это видно из указанных в списке литературы исследований последнего десятилетия и даже из самих их названий, калькой с соответствующего английского термина «стандартный чешский» (*чеш.* standardní čeština, *англ.* standard Czech). Определенная тенденция к отказу от классической дихотомии «литературный чешский» – «обиходно-разговорный чешский» в пользу дихотомии «письменный чешский» – «устный чешский»

прослеживается и в учебной литературе, ср., например, [10, с. 56-61] и [20, с. 55-56].

Впрочем, развитие корпусных технологий может оказаться весьма полезным и для тех, кто решил для себя продолжать оперировать термином «обиходно-разговорный язык». Обратившись к корпусным данным, мы можем не только проверить реальную употребительность в современных чешских письменных и устных текстах тех или иных представленных в существующих словарях и словариках чешского обиходно-разговорного языка (напр. [6], [33]) лексем, но и проследить динамику их употребления в текстах различных стилей и жанров безотносительно к тому, придерживаемся ли мы классической «теории языковой культуры» или альтернативной «концепции минимальной интервенции», см. [21].

Список литературы

- 1. Белич Я., Гавранек Б., Едличка А., Травничек Ф.** К вопросу об «обиходно-разговорном» чешском языке и его отношении к литературному чешскому языку // Вопросы языкознания, 1961, № 1. - С. 44-51.
- 2. Бельчиков Ю. А.** Просторечье // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 402.
- 3. Изотов А. И.** Императивность как прагмалингвистический феномен: На материале чешского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. 256 с.
- 4. Изотов А. И.** Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2013. № 4-1. – С. 68-71.
- 5. Изотов А. И.** Литературный чешский язык и обиходно-разговорное койне // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2008. Вып. 36. С. 64-69.
- 6. Изотов А. И.** Обиходно-разговорный чешский язык: материалы к словарю // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 38. С. 55-88.

7. **Изотов А. И.** Опыт корпусного анализа чешских директивных и директивно-коммиссивных перформативных глаголов // Вестник РУДН. Серия Лингвистика, 2012. № 3. С. 99-107.
8. **Изотов А. И.** Чешская диглоссия: истоки и перспективы // Язык, сознание, коммуникация. 2013. Вып. 47. С. 224-230.
9. **Изотов А. И.** Чешский национальный корпус и аналитический императив: опыт корпусного анализа малоупотребительных и маргинальных языковых единиц // Вестник Оренбургского гос. ун-та, 2007, № 2. С. 4-11.
10. **Изотов А. И.** Чешский язык: Учебное пособие по развитию навыков устной речи на материале видеофильмов. М.: Филоматис, 2005. 120 с.
11. **Изотов А. И.** Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2013. № 1. С. 52-60.
12. **Меркурьева В. Б.** О разграничении диалекта и обиходно-разговорного языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5. №2. С. 124-130.
13. **Плунгян В. А.** Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов // [ресурс:] <http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/>
14. **Сгалл П.** Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания, 1960, №2. С. 11-20.
15. **Черкасская Д. Г.** Чешская языковая ситуация, или от диглоссии к постдиглоссии // Альманах современной науки и образования. 2013. №5 (72). С. 186-188.
16. **Adam R.** K diskusi o spisovné a „standardní“ češtině // Slovo a Slovesnost, 68. Praha, 2007. № 3. S. 184-189.
17. **Bělič J.** Vojujme za upevňování a šíření hovorové češtiny // Český jazyk a literatura, 9. 1959. S. 433-441.
18. **Bělič J.** Vznik hovorové češtiny a její poměr k češtině spisovné // Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Praha: NČAV, 1958. S. 59-71.

19. **Bermel N.** O tzv. české diglosii v současném světě // Slovo a Slovesnost 71. Praha, 2010. № 1. S. 5-30.
20. **Cvejnová J.** Česky, prosím II. Učebnice češtiny pro cizince. Praha: Karolinum 2012. 320 s.
21. **Cvrček V.** Regulace jazyka a Koncept minimální intervence. Praha: Lidové noviny, 2008. 232 s.
22. **Čermák Fr., Sgall P., Vybíral P.** K diskusi o standardní a „spisovné“ češtině // Slovo a Slovesnost, 67. Praha, 2006. № 4. S. 267-282.
23. **Čermák Fr., Sgall P., Vybíral P.** Od školské spisovnosti ke standardní češtině // Slovo a Slovesnost, 66. Praha, 2005. № 2. S. 103-115.
24. **Čmejková S., Hoffmannová J. (Eds).** Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí. Praha: Academia, 2011. 492 s.
25. **Daneš Fr.** Pojem „spisovného jazyka“ v dnešních společenských podmínkách // Dynamika současné češtiny z hlediska lingvistické teorie a školské praxe. Praha: PFUK, 1988. S. 21-28.
26. **Ferguson Ch.** Diglossia // Language and Social Structures / Ed. Giglioli P.P. London: Penguin, 1972. P. 232-251.
27. **Havránek B.** Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura // Spisovná čeština a jazyková kultura / Eds. B. Havránek, M. Weingart. Praha: Melantrich, 1932. S. 32-84.
28. **Hrbáček J.** Hovorová čeština // Přednášky z XXXIV. a XXXV. běhu letní školy slovanských studií. Praha: FFUK, 1995. S. 53-61.
29. **Hrbáček J.** Úvod do studia českého jazyka. Praha: Karolinum, 1994.
30. **Kořenský J.** K článku Od školské spisovnosti ke standardní češtině: reakce na výzvu k diskusi // Slovo a Slovesnost, 66. Praha, 2005. № 4. S. 270-277.
31. **Kuhn T.S.** The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 172 p.
32. **Oliva K.** Požadavky na úroveň diskuse o spisovné/standardní češtině // Slovo a Slovesnost, 66. - Praha, 2005. № 4. - S. 278-290.
33. **Sgall P., Hronek J.** Čeština bez příkras. – Praha: H&H, 1992. – 182 s.

34. Štícha Fr. K pojetí spisovnosti // Spisovná čeština a jazyková kultura / Eds. J. Jančáková, M. Komárek, O. Uličný. - Praha: FFUK, 1995. – S. 72-76.

35. Uličný O. K diferenciaci spisovného jazyka / Ed. D. Davidová. - Ostrava: FFOU, 1994.

Изотов, А.И. Обиходно-разговорный чешский язык - химера или реальность // Альманах современной науки и образования. - Тамбов: Грамота, 2013. - № 12 (79). - С. 69-72.